



## Вступление



Эта книга для тех, кто закрутился в шумном водовороте жизни. Кому очень нужен тихий уголок, где можно остановиться, присесть и прислушаться к себе.

Эта книга — эссе-терапия для души.

Весна, лето, осень, зима... и снова весна. Время жизни закольцовывается. Порядок времен года незыблем. И даже когда кажется, что все меняется слишком быстро, что мир вокруг становится зыбким и ненадежным, — даже тогда это то небольшое, в чем мы всегда можем быть уверены. К чему можем не спеша готовиться и получать ожидаемые радости. А еще случаются радости неожиданные, когда кажется, что жизнь омывает новый поток. **Они могут быть совсем маленькими, но именно благодаря им мы можем оставаться на плаву, ощущать уют внутри и обретать уверенность в завтрашнем дне.**

Удержат моменты жизни невозможно, под силу лишь сохранить впечатление. Птичьи следы на свежем снегу — как письмо. Движение за окном — то ли листья пролетели, то ли птицы. Обернешься — все закончилось. А словно до сих пор продолжается. Что-то такое осталось в воздухе, во что хочется вслушиваться.

Эта книга — про маленький мир в большом. Она предлагает отправиться в счастливые путешествия: из Дня космонавтики — в мамин день, из войлочного уюта — к весенним корабликам, из жизни необъятной и звонкой — к родным окнам и тихому теплу. Все в ней — про удивительное, скрытое в привычных вещах. **Про то, как важно научиться видеть и слышать. И принимать свою единственную жизнь, прекрасную во все времена.**

Книга прорастала из беглых заметок и крохотных сюжетов, от которых становилось внутри широко или, напротив, тихо и мирно. Когда-то Григорий Померанц сказал, что настоящее счастье заключается в нашей способности откликаться вещам — простым, естественным, дарованным: небу, дереву, человеку...

И вот об этой трепетной красоте Господнего мира и красоте человеческой души хочется рассказывать. Что можно расслышать в говоре дождя, о чем поведала рассветная птица, каков он — «детский» снег? О простых вещах, в которых узришь великое, и о великом, вдруг открывшемся в своей простоте.

**О том, что все эти маленькие и простые радости могут нас наполнить и, быть может, даже исцелить, став постоянным источником спокойствия, гармонии и тихого счастья. И о том, что даже печаль может стать нежностью.**





# Цикл первый







# *Весна*

*elle*

## *Ранней весной*

Ранней весной проснешься на рассвете от некого предчувствия. Радостного, нового. А потом лежишь в кровати, смотришь в окно, зачарованная каким-то внешним ли, внутренним ли несмелым еще движением. Что-то тронулось, сдвинулось, прояснилось. Каждый раз — как в первый, как первая влюбленность. Когда сначала нежность и смущение, а потом так тебя вдруг станет много! И солнца в тебе много, и ветра, и леса, и весны. Но это потом, и ты это знаешь, и тебе сладко-тревожно и легко одновременно.

А сейчас светает, но как! Лиловое небо словно проседает и образует далекие горные склоны во весь горизонт. А над ними — просыпается, светлеет день.

Пролетели птицы, тоже над, словно боясь задеть крыльями горную цепь. Склоны постепенно голубеют, легчают, будто покрываются дымкой. Свет льется сверху, робкий, жемчужный. Теперь это уже нежная акварель, которую



вот-вот промокнет набирающий силу день, — и все исчезнет. Останется лишь расплывчатый контур, лишь вздох — то ли воспоминание, то ли ожидание.

Ожидание неминуемого счастья.

## *Нежность марта*

Полдень. Облака набухли, словно долго томились под опарой, а сейчас взошли. Похожи на клецки — тучные, сливочные. Плывут себе степенно куда-то, где их очень ждут. Ветерок тербит ветви берез, проверяет — не проснулись ли?

Комната то темнеет, то озаряется, и все изменяется почти мгновенно. Она отражает день за окном.

В марте такая нежность, от которой порой не хватает дыхания. Вдохнешь — и не выдохнуть сразу. Весна.

Где-то прокричал петух, не ко времени, словно одуревший от весны. И даже в собачьем лае слышится что-то задорное, весеннее.

Освободившееся от снега поле дышит легко и свободно. Готово вынашивать новую жизнь. Откуда-то из еще прозрачного леса долетит сладкое дуновение, осядет на будущей пашне ожиданием. Солнце уже все просушило, обцеловало. И так ясно, явно пахнет вербой, что на сердце станет вдруг радостно, будто бы завтра Пасха.

## *Дом*

Я вернулась сюда после нескольких месяцев разлуки. Открыла ключом квартиру, откуда добровольно ушла и где, казалось, у меня ничего не сложилось. И только сейчас



она вдруг стала местом силы — стены, в которых отшумела моя молодость, появилась на свет и выросла дочь. Где было так много всего — разнообразного и запутанного, а сейчас понимаю — прекрасного, настоящего. Жизнь дает возможность какие-то вещи увидеть по-другому. Прочувствовать так, словно у тебя что-то долго отбирали, а потом вдруг оставили, и ты прижимаешь это к себе, и из глаз — слезы, и ничего больше не нужно...



Я вхожу в эти двери. Меня встречает запах, который узнается безошибочно, — Дом. Его невозможно разложить на составляющие, как невозможно рассказать про запах головы забегавшегося ребенка или про аромат свежеспеченного хлеба. Есть одно слово — «родное».

Тихо ступаю по старым половицам, и они отвечают мне скрипом. Очень хочется думать, что Дом меня узнал и вот так говорит мне: «Здравствуй!»



И все, что сейчас нужно, — это ощутить свою точку равновесия в нем. Ведь Дом продолжал жить своей жизнью в мое отсутствие; может быть, на иной скорости, обретая новые черты и мечты. Видел свои сны. Возможно, и меня в них или нас всех вместе, как раньше, когда мы для него были единым целым — его любимыми детьми.

Я начинаю убирать. Стулья передвигать стараюсь потише, ничем не хлопать, как это делают желающие утвердиться на своей территории. Оберегаю дыхание дома. Не для себя, а для него. Меняю покрывала, протираю помутневшие стекла, отправляю в стирку шторы, обнажая удивленные окна. Говорю ему: потерпи, еще немного. Как говорят в детстве и дуют на разбитое колено. И мне кажется, мы понимаем друг друга — пуд соли вместе съели. И коробочку перца — за двадцать-то лет!

С полки смотрит дочь — и вместе с нею благословенный августовский день. Она улыбается светло, как все дети — зубов не хватает, и в этом есть свое совершенство. Совершенство движущейся жизни. Дом продолжает хранить все счастливые трамвайные билеты и написанное нетвердым почерком «Мама, я тебя люблю!», все цветы из бархатной бумаги, приклеенные в садиковых буднях — между полдником и прогулкой. Старые ключи непонятно от каких дверей, но, возможно, ведущих к тому самому вождьленному счастью, брелоки и пленки диафильмов. Можно назвать хламом, а можно — свидетелями дней, которым уже не вернуться.

А потом пошел дождь, нет, рухнул на землю — отчаянно и стремительно. Такие дожди бывают долгими и приходят вместе с северным ветром. От них дрожат стекла и в то же время становится блаженно и хорошо. И вот это



«хорошо» впускает в себя откровение: я завтра остаюсь дома, а дождь все устроил так, как нужно.

Вот старенький чайничек, на одну чашку, с простеньким рисунком, от которого защемит сердце. Кто кого приглашает к чаю — не важно, мы пьем его вместе.

А потом Дом меня укутывает. Словно жива бабушка и принесла свой пуховый платок, как делала, когда я болела. Еще до того времени, когда я их стала носить сама и обвязывать свою дочь. Кажется, что совсем еще недавно. В какой-то момент мы с Домом становимся одним целым. И это невероятное проживание — даже больше, чем принятие и чем созвучие.

— Через несколько дней я уеду, Дом. Пожалуйста, не огорчайся. Так теперь нужно, ты ведь понимаешь?

— Понимаю, — вздохнет он. — Птицы всегда покидают гнезда. В этом наша жизнь — выпустить птенцов, не надеясь на их возвращение, но всегда ждать.

— Знаешь, Дом, а ведь у людей то же самое.

Скажу и почувствую, что он улыбается. Значит, простил. Конечно простил, а как же иначе?

## *Все тайна великая есть*

Замечать мелкие детали бытия — это значит уметь любоваться и тканью, и узорами на ней, и цветом нитей. Это значит «вкушать» момент и внутренне обогащаться. Развивать в себе тонкий слух, чувствительность к прекрасному.

Вот березы. Посреди яркой лазури смотрятся празднично, горят белыми свечами. И такие растрепанные, но — радостные. Весна их поманила, и они зарделись в верхушках,



затрепетали. Вот-вот сорвутся в девичий хоровод! И ветер порывистый и мягкий, пахнет весенней водой.

А вот дерево — повалено снегопадами, погребено под белоснежной рыхлой плитой, а верба-то цветет! Жизнь, празднующая саму себя.

Облачные пятна тающего снега на асфальте. Смотрят ввысь, выстроились караваном и готовы отправиться в путь за своими небесными собратьями.

А эти жмушщиеся к краю дороги сугробы! Чистые, свежие пласты, усердно нарезанные лопатой. Вдруг вспомнилось киевское детство, полная тетенька в белом, нарезающая большим ножом немислимую сладость — «буковинский щербет». Огромный шоколадный утес возлежал на волшебной бумаге, а нож отделял от него большие куски, обломки рассыпались рядом, и хотелось подобрать их пальцем и сразу — в рот. На вкус щербет был как шоколадный батончик — сливочный, незабываемый.

Увидела березу, похожую на елку. Ходила мимо множество раз, но это сходство открылось только сейчас. Желющим увидеть — будет приоткрываться, жаждущим соединиться станут посылаться знаки. Небольшие, но все чаще и чаще. Живая ткань Бытия не стремится быть разгаданной, ибо она «Тайна Великая есть». Да и мы сами — такая же тайна.

Маленькая тайна на пороге Тайны Большой.

## *И это все о ней*

Мне так сегодня хочется говорить о любви, Господи! Даже когда понимаешь, что она не про слова и не про сопричастность и близость. Она о чем-то таком, что однажды при-



ходит, и ты чувствуешь — вот оно — начало всему и всему ответ. То, ради чего сходятся в одной точке все смыслы.

Конечно, можно и без любви... Наверное, можно. Особенно когда тебе есть чем поделиться, что в себе развивать, а жизнь сама по себе — вдохновение.

Но Любовь... С ней ты входишь в ранее недоступную зону. Там ты защищен от всего, даже когда слаб и беззащитен. Тебе вдруг откроется величие в повседневности и красота в простоте. Любовь пахнет домом и родным теплом, будит поцелуем и убаюкивает перед сном, перемещает тебя на совсем другую волну чувствительности и открытости. Это когда всего становится так много и все обретает смысл. Это когда шепотом. Когда обмираешь от нежности и открываешь для себя Бесконечность. Когда остро желаешь закрепления и продолжения в днях, детях и следующих жизнях. Потому что отдельного тебя уже не существует. И одновременно ты существуешь как самая большая ценность в глазах другого. Это и есть Полнота. Замыкание круга. Крепкое «сейчас», перетекающее в безмерное «всегда».

Я хочу молчать о Любви. Слушая, как затихает мир вокруг, внимая всему недосказанному. Видеть, как неслышно угасает свет, оставляя лишь свет негаснущий. Это и будет о ней.

## *Письмо к Клоду Моне*

Здравствуй, дорогой Оскар Клод! Вы меня не знаете, зато я имею счастье знать вас. И для моего восторженного чувства, сравнимого разве что с первой влюбленностью, этого достаточно.



Как же я долго шла к вам, дорогой воспеватель Жизни! Можно сказать — через века. Так идут ко всему настоящему — медленно или трудно. Но оказалось, вы ждали меня, ждали, пока пройдет моя юность и молодость, почти что жизнь. И я смогу оценить весь нездешний свет, пробивающийся из ваших полотен. Вы не повторяли реальность, а делились своим впечатлением от нее. И оно было таково, что до сих пор мы, затаив дыхание, всматриваемся в ваши картины, чувствуя приток счастья. Счастья от непередаваемо прекрасных моментов жизни.

Смотрю на веселую воду, на равновесие цветковых пятен, на осязаемость воздуха, которого так много. На главного героя всех полотен — на свет.

Свет как подтон, как отражение или как предчувствие. Вы приходили множество раз на одно и то же место в разное время суток, в разную погоду. И рисовали, рисовали — одну картину за другой. Вы всматривались, как свет пробивается через туман, как ожидается где-то за завесой дождя, как в самом хмуром звучании рождается эта нотка — надежда на свет.

Чем не наслаждение — все новые и новые стога сена, то в изморози, то в нежном сиянии, и вереницы кувшинок в пруду, таких неподвижных на изменчивой воде — таинственной и влекущей. Можно бесконечно смотреть на стену Руанского собора, размноженную, как в зеркалах, но не повторяющуюся никогда. От жемчужно-серого до застенчиво-розового, от слегка голубоватого до насыщенного бежевого. Разные живописные состояния. Постоянная смена оттенков природы и вашего настроения. Через 10 минут — уже другое небо, другая вода, другое звучание того, что лишь кажется обыденным. У вас, господин Моне, я учусь созерцать и понимать. Я стала теперь много богаче.



Ван Гогу открылась сила жизни, ее торжество надо всем. А вам, господин Моне, наверное, открылось ее очарование. И я могу представить, как вы нервничали, когда не удавалось запечатлеть мимолетность бликов на воде, мягкость ветра, напоенного цветами, мимолетность пронзившего вас счастья. Но вы добились того, что в ваших пейзажах хочется остаться жить. И познавать себя и мир уже отсюда. До чего же хочется там остаться!

И как же прекрасен вокзал Сен-Лазар, весь окутанный паровозным дымом. А этот трепещущий свет, преломляющейся в стеклянной крыше, — многие ли в суতোлке отъезда и томительности ожидания подняли бы головы, чтобы увидеть?

Ваши полотна — легки и полупрозрачны. Как этюды — где есть только впечатление, догадка, а главное — лишь проступает. И нужно поймать, успеть залюбоваться. Мир становится невесомым — может ли иметь вес то, что находится в непрерывном движении?

Помните вашу «Даму с зонтиком, повернутую влево»? С некоторых пор она так мною любима! Похожая на мечту или давнее воспоминание о чем-то прекрасном. Ее лицо словно намеренно скрыто. Должно быть, чтобы можно было в ней узнать себя? Когда стоишь на пригорке в погожий летний день, и бегущие беззаботно облака, свежие утренние травы и ветер, внезапно толкнувший в спину, — все вместе создают момент чувственного слияния настоящего, прошлого и будущего. Слияния небес, земли и человека. Мечты и судьбы. Что это за мгновение и что сейчас произойдет? Или уже происходит? Счастье, которое невозможно удержать, а только отдаться ему полностью, в этот самый миг.